

Алиса Скаут

**Сборник
легких
романов**

Алиса Скаут

Сборник легких романов

«Автор»

2026

Скаут А.

Сборник легких романов / А. Скаут — «Автор», 2026

Сборник легких любовных романов. Романы легко читать, легко погрузиться в атмосферу сюжетных поворотов. Легкое чтение на ночь

© Скаут А., 2026

© Автор, 2026

Алиса Скаут

Сборник легких романов

Кофе с молоком без сахара

Глава 1. Расписание

Марина проснулась за минуту до будильника — организм за шесть лет работы в «Гранд-Строй» выучил расписание наизусть, как таблицу умножения. Шесть сорок. Тёмная спальня, шум лифта за стеной, запах пыли и вчерашнего кофе. Она лежала неподвижно, глядя в потолок, и считала секунды до трели. Пять... четыре... три...

Звонок.

Рука привычно скользнула к телефону. Выключить. Встать. Тапки — левый, правый. Халат. Ванная. Зубная щётка, двадцать движений вверх-вниз, десять круговых. Кран. Полотенце.

Марина никогда не задумывалась, почему её утро выглядит именно так. Наверное, потому что думать было некогда. В двадцать девять лет жизнь казалась ей поездом, который уже набрал скорость и теперь несётся по рельсам, а она стоит в тамбуре и смотрит, как за окном мелькают одинаковые пейзажи. Иногда хотелось дёрнуть стоп-кран, но она не знала, где он и что будет, если его дёрнуть.

Кухня встретила её гудением холодильника и одинокой чашкой на сушилке. Марина насыпала овсянку, залила кипятком, съела стоя, глядя в окно на серое московское небо. Восемь минут на сборы — чёрный костюм, белая блузка, туфли на низком каблуке. Волосы собрать в хвост. Тушь. Блеск для губ.

В семь двадцать пять она выходила из квартиры и спускалась по лестнице — лифт в их доме работал через раз, и Марина давно перестала на него рассчитывать. Шесть этажей, девяносто шесть ступенек. Она считала их машинально, как считают шаги перед сном, чтобы отогнать тревожные мысли.

Метро. Толпа. Чужие локти, чужие сумки, чужие запахи. Марина стояла у двери, держась за поручень, и смотрела на своё отражение в тёмном стекле. Уставшее лицо, чуть припухшие веки, плотно сжатые губы. В двадцать девять она выглядела на все тридцать пять — и знала это.

На «Театральной» она вышла, поднялась по эскалатору и свернула в переулок. Здесь, между офисными высотками и старыми доходными домами, притаилась кофейня «Тёплый угол». Маленькая, с деревянной вывеской и окнами, запотевшими от пара. Марина нашла её три года назад, в первый месяц работы, когда ещё не знала всех своих коллег по именам и боялась опоздать хоть на минуту. С тех пор «Тёплый угол» стал единственным островком в её расписании, который она не пыталась оптимизировать.

Она толкнула дверь. Колокольчик звякнул. За стойкой стоял Максим.

— Доброе утро, Марина, — сказал он, и его улыбка была такой же тёплой, как название кофейни. — Как всегда?

— Как всегда, — кивнула она.

Он уже нажимал кнопки на кофемашине. Марина знала: сейчас будет порция американо с молоком без сахара, в бумажном стакане с картонным держателем, и рядом на салфетке появится что-то маленькое. Печенье. Наклейка. Записка с цитатой, написанной от руки.

— Сегодня у нас дождливо, — сказал Максим, ставя стакан на стойку. — Так что вот.

Он пододвинул к ней салфетку, на которой лежала маленькая шоколадка в форме зонтика, обёрнутая в фольгу.

— Держитесь сухими.

Марина посмотрела на шоколадку, потом на него. Максиму было около двадцати пяти, наверное, — она никогда не спрашивала. Тёмные волосы, чуть длинноватые на затылке, серые

глаза, фартук с логотипом кофейни поверх клетчатой рубашки. Он всегда смотрел на неё так, будто действительно видел — не «кофе с молоком без сахара», а человека.

— Спасибо, — сказала она, забирая стакан и шоколадку. — Сколько с меня?

— Уже оплачено, — ответил он. — Ваша карта, постоянный клиент.

Марина знала, что это неправда. Знала, что он каждый раз пробивает её заказ по скидке для «своих», хотя она никогда не просила. Она хотела возразить, но, как всегда, не стала. В этом было что-то приятное — маленькая ложь, которая делала утро чуть светлее.

— Хорошего дня, — сказала она.

— И вам, Марина.

Она вышла, и колокольчик звякнул ей вслед. За окном действительно накрапывал дождь. Марина раскрыла зонт, сделала глоток кофе и пошла к офису, чувствуя, как тепло растекается по телу.

В «Гранд-Строй» она вошла ровно в восемь сорок пять. Достала карту, приложила к турникету. Лифт, девятый этаж, кабинет с табличкой «Отдел маркетинга». Коллеги уже на местах. Кто-то пил кофе из такой же бумажной чашки, кто-то тыкал в телефон, кто-то смотрел в монитор с видом человека, который уже устал, хотя рабочий день ещё не начался.

Марина села за свой стол, включила компьютер и открыла почту. Тридцать два письма. Пятнадцать — от начальства. Шесть — от клиентов. Остальные — рассылки, которые она не успела отфильтровать.

Она вздохнула и начала отвечать. Десять минут на письмо. Кофе остывал в стакане, но она пила его машинально, не замечая вкуса.

К обеду пришла Света из соседнего отдела — яркая, шумная, вечно жующая что-то полезное.

— Марин, ты опять не ела? — спросила она, заглядывая в её стол. — У тебя лицо как у призрака.

— Ела, — соврала Марина. — Овсянку.

— Овсянку она ела, — фыркнула Света. — Пойдём в столовую, там сегодня курица с рисом.

— Не могу, у меня отчёт к трём.

— Отчёт не убежит. А ты убежишь, если так будешь себя гонять.

Марина улыбнулась — через силу. Света была права, но признавать это не хотелось. Правота означала, что нужно что-то менять, а менять было страшно.

— В следующий раз, — пообещала она.

Света покачала головой и ушла. Марина вернулась к отчёту.

Домой она вернулась в девять вечера. Лифт снова не работал — пришлось идти пешком. На шестом этаже она остановилась, переводя дыхание, и посмотрела на телефон. Три пропущенных от мамы. Она набрала её, стоя на лестничной клетке.

— Мариночка, привет! — голос мамы был бодрым, но Марина слышала в нём тревогу. — Ты почему не отвечаешь?

— Работала, мам. Что случилось?

— Ничего не случилось. Просто хотела узнать, как ты. Ты вообще ешь?

— Ем, мам.

— А отдыхаешь?

— Отдыхаю.

— Марина.

— Что, мам?

Пауза. Марина знала, что сейчас будет. Одно и то же каждый раз.

— Тебе уже двадцать девять, — сказала мама тихо. — Я не говорю, что нужно срочно замуж. Но хоть кто-то у тебя есть? Друг? Мужчина?

— Мам, у меня всё хорошо.

— Это не ответ.

— Это ответ, который я могу дать.

Мама вздохнула. Марина прислонилась к холодной стене и закрыла глаза.

— Ладно, — сказала мама. — Позвони, когда будет время. И поешь нормально.

— Позвоню. Пока, мам.

Она убрала телефон и вошла в квартиру. Тёмная прихожая, знакомый запах. Марина сняла туфли, прошла в кухню, поставила чайник и села на стул, глядя в стену.

В голове было пусто. Не грустно, не тревожно — просто пусто, как в выключенном телевизоре. Она знала это состояние. Оно приходило каждый вечер, после работы, когда суета затихала и оставалась она одна — с чашкой чая и мыслями, от которых хотелось убежать.

Марина достала из сумки шоколадку-зонтик. Развернула фольгу, откусила половину. Шоколад был горьковатым, с миндалём внутри.

И почему-то от этого стало чуть теплее.

Она доела шоколадку, выпила чай и легла спать. Завтра снова будильник в шесть сорок. Завтра снова метро, работа, отчёты.

Завтра снова кофейня.

Марина закрыла глаза и впервые за долгое время улыбнулась, вспомнив, как Максим сказал: «Держитесь сухими».

Она и держалась.

Глава 2. Девяносто шесть ступенек

Утро началось с катастрофы.

Марина проснулась от того, что будильник не звонил. Телефон лежал на тумбочке, экран был тёмным. Она схватила его — семь двадцать три. Зарядка выпала из разъёма ночью, и телефон умер, а вместе с ним и её расписание.

— Чёрт, чёрт, чёрт.

Она вскочила, натянула первую попавшуюся одежду — серую юбку и голубую блузку, которая не глажена, но это уже неважно, — схватила сумку и выбежала из квартиры. Лифт, конечно же, не работал. Марина побежала вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, и на третьем этаже подвернула ногу.

— Да что ж такое!

Она остановилась, схватилась за перила, переводя дыхание. Боль пульсировала в лодыжке, но идти можно было. Марина похромала дальше, считая ступеньки и проклиная всё на свете.

На улице шёл дождь. Зонта не было — он остался дома, в подставке у двери. Марина добежала до метро, промокнув насквозь, и втиснулась в вагон, где пахло мокрыми куртками и чьим-то завтраком.

На «Театральной» она вышла и посмотрела на часы. Восемь сорок. Опоздание на десять минут. Впервые за три года.

Марина свернула в переулок, но не к офису, а к кофейне. Дверь была открыта, колокольчик звякнул. Максим поднял голову от кофемашины и сразу же изменился в лице.

— Что случилось?

— Лифт, — выдохнула Марина. — Телефон умер. Я опоздала.

Он ничего не сказал. Просто вышел из-за стойки, снял с крючка свою куртку и взял ключи.

— Пойдёмте.

— Куда?

— Я вас подвезу. У меня машина за углом.

Марина замерла. В голове пронеслась тысяча мыслей: это неудобно, это странно, он мне никто, я не могу сесть в машину к незнакомому мужчине. Но потом она посмотрела на часы — восемь сорок пять — и поняла, что выбора нет.

— Хорошо, — сказала она. — Спасибо.

Машина оказалась старенькой «Ладой» с поцарапанным крылом и болтающейся наклейкой на заднем стекле. Максим открыл ей дверь, и Марина села на пассажирское сиденье, чувствуя, как намокшая юбка прилипает к ногам.

— Куда едем? — спросил он, заводя двигатель.

— «Гранд-Строй», это на Садовой.

— Знаю.

Он вырулил на дорогу и больше ничего не спрашивал. Не спрашивал, почему она опоздала, почему промокла, почему выглядит так, будто не спала неделю. Просто вёл машину, поглядывая на дорогу, и молчал.

Марина украдкой рассматривала его. Профиль, руки на руле, чуть нахмуренный лоб. Он был сосредоточен, и в этой сосредоточенности было что-то спокойное, надёжное.

— Спасибо, — сказала она тихо. — Я не знаю, что бы делала без вас.

— Ничего страшного, — ответил он. — Бывает.

— У меня не бывает. Я никогда не опаздываю.

— Впервые всё когда-то случается.

Марина посмотрела в окно. Дождь стучал по стеклу, дворники сметали капли. Город был серым, мокрым, но отчего-то не казался враждебным.

— Я не знаю, как вас зовут, — сказала она вдруг. — То есть знаю, что Максим, но...

— Максим Ветров, — представился он. — Можно просто Максим.

— Марина.

— Я знаю.

Она улыбнулась. Впервые за утро.

— Да, вы знаете. Кофе с молоком без сахара.

— Не только, — сказал он, и в его голосе было что-то такое, отчего Марина почувствовала, как краснеет.

Машина остановилась у офиса. Марина посмотрела на часы — восемь пятьдесят пять. Успела.

— Спасибо, Максим, — сказала она, открывая дверь. — Я ваш должник.

— С вас кофе, — ответил он с улыбкой. — Но не сегодня. Сегодня я угощаю.

Марина вышла из машины, и «Лада» уехала, растворившись в потоке. Она постояла секунду под дождём, глядя вслед, потом побежала к офису.

В кабинет она вошла ровно в девять. Начальник, Игорь Павлович, поднял голову от бумаг и посмотрел на неё поверх очков.

— Марина, вы сегодня позже.

— Прошу прощения, Игорь Павлович. Лифт сломался.

Он кивнул и вернулся к бумагам. Марина прошла к своему столу, села и выдохнула. Всё обошлось.

Но весь день она ловила себя на том, что думает о Максиме. О том, как он молчал в машине. Как не задавал лишних вопросов. Как сказал: «Не только».

Вечером, возвращаясь домой, она прошла мимо кофейни. Свет внутри ещё горел, но дверь была закрыта — «Тёплый угол» работал до восьми. Марина постояла на улице, глядя на вывеску, потом развернулась и пошла к метро.

Дома она достала из сумки салфетку с вчерашней шоколадкой. На ней было что-то написано — она не заметила утром. Чернила расплылись от дождя, но прочитать можно было.

«Даже в самый серый день есть место теплу».

Марина перечитала записку три раза. Потом аккуратно сложила салфетку и положила в ящик стола, где хранила всякие мелочи: билеты в кино, которые она так и не использовала, старые визитки, скрепки.

В ящике было пусто, если не считать этой салфетки.

Марина посмотрела на неё ещё раз, потом закрыла ящик и пошла спать.

Завтра снова будильник в шесть сорок. Но почему-то теперь это не казалось таким уж страшным.

Глава 3. Правило

Прошла неделя.

Марина снова ходила в «Тёплый угол» каждое утро. Снова пила американо с молоком без сахара. Снова находила на салфетке маленькие подарки: печенье с предсказанием, наклейку с котиком, записку с цитатой из книги, которую она не читала.

Но теперь она смотрела на Максима иначе. Замечала, как он улыбается, когда видит её. Как его пальцы касаются её пальцев, когда он передаёт стакан. Как он смотрит ей вслед, когда она уходит.

И это пугало.

Потому что у Марины было правило.

Она сформулировала его три года назад, после того как очередной роман закончился ничем. Тогда она встречалась с парнем из соседнего отдела — симпатичным, весёлым, который знал её как «Марину из маркетинга, которая всегда в костюме и никогда не улыбается». Они встречались два месяца, а потом он сказал: «Ты какая-то не такая. Как будто тебя нет». И ушёл.

Марина тогда долго думала, что это значит. А потом поняла: он видел только её оболочку. Менеджера в костюме, человека с расписанием, функцию. Он не знал, что она любит дождь, что боится темноты, что в детстве мечтала стать художницей. Он не знал её.

С тех пор Марина решила: никаких романов с теми, кто знает её только как «кофе с молоком без сахара». С коллегами, с клиентами, с людьми, которые видят её каждый день, но не видят её настоящую.

Максим попадал в эту категорию. Он знал её как постоянную клиентку. Как женщину в чёрном костюме, которая приходит в семь тридцать и уходит в семь тридцать пять. Как «кофе с молоком без сахара».

И всё же что-то в нём было не так. Что-то, что заставляло её думать о нём больше, чем следовало.

В пятницу она пришла в кофейню позже обычного — задержалась на совещании. Максим стоял у окна, протирал столик. Увидев её, улыбнулся.

— Я думал, вы уже не придёте.

— Совещание, — сказала Марина. — Оно длилось дольше, чем я планировала.

— Понятно.

Он приготовил ей кофе, и на салфетке появилась маленькая фигурка оригами — журавлик из белой бумаги.

— Это чтобы вы не забывали, что можно летать, — сказал он.

Марина взяла журавлика, повертела в руках. Потом посмотрела на Максима.

— Почему вы это делаете?

— Что делаю?

— Всё это. Печенье, записки. Вы ведь не всем дарите.

Он помолчал, потом сказал:

— Не всем.

— Почему мне?

Максим посмотрел на неё прямо, без улыбки.

— Потому что вы каждый день приходите с таким лицом, будто несёте на себе весь мир. И я думаю, что если кто-то скажет вам что-то доброе, может, вам станет чуть легче.

Марина почувствовала, как что-то сжалось в груди. Она не знала, что ответить.

— Спасибо, — сказала она наконец. — Это... это мило.

— Просто будьте осторожнее, — сказал он. — Вы выглядите уставшей.

Марина кивнула и вышла. На улице она развернула журавлика и увидела, что внутри что-то написано. Развернула бумагу — на ней было: «Не забывайте дышать».

Она стояла на тротуаре, держа в руках развёрнутый листок, и чувствовала, как глаза наполняются слезами. Глупо. Из-за какой-то записки.

Но никто никогда не говорил ей «не забывайте дышать». Никто не замечал, что она забывает.

Марина скомкала бумажку, выбросила в урну и пошла в офис.

Весь день она злилась на себя. За то, что раскисла. За то, что позволила себе думать о Максиме больше, чем следовало. За то, что у неё было правило, а она готова была его нарушить.

«Он не знает тебя, — говорила она себе. — Он знает только твой заказ. Он не знает, какая ты на самом деле. Он не знает, что ты боишься, что ты устала, что ты хочешь чего-то большего, но не знаешь, чего именно».

Но другой голос — тихий, упрямый — возражал: «А может, он как раз и хочет узнать?»

Марина не знала ответа. И это было самое страшное.

Вечером ей позвонила Света.

— Марин, ты чего такая загадочная сегодня? Ходишь, как в воду опущенная.

— Всё нормально. Устала.

— Устала она. Слушай, у меня к тебе дело. У Игоря Павловича завтра день рождения. Ты знаешь, что он устраивает приём в ресторане?

Марина застонала.

— Нет. Только не это.

— Да, это. И ты обязана пойти. Все идут.

— Я не люблю такие мероприятия.

— Знаю. Но это твой шанс. Он говорил с тобой о повышении?

— Говорил. Но пока ничего конкретного.

— Вот и иди. Покажи себя. Пообщайся с ним, с его окружением. Может, это ускорит процесс.

Марина вздохнула.

— Хорошо. Я пойду.

— Вот и умница. Надень что-нибудь красивое. Не этот твой серый костюм.

— У меня нет красивых вещей.

— Купи! У тебя есть деньги, в конце концов.

Марина положила трубку и посмотрела на свой шкаф. Внутри висели серые, чёрные и белые костюмы. Ещё одно платье — синее, в мелкий цветочек, купленное три года назад и ни разу не надетое.

Она достала его, приложила к себе. Посмотрела в зеркало.

В отражении была женщина с уставшим лицом, в платье, которое ей шло, но которое она не решалась надеть. Женщина, которая пряталась за костюмами и расписанием. Женщина, которая забыла, как дышать.

Марина повесила платье обратно.

Завтра она наденет его. И посмотрим, что из этого выйдет.

Глава 4. Брат

Ресторан назывался «Золотой лев» и был одним из тех мест, куда Марина никогда бы не пришла по своей воле. Мраморные колонны, хрустальные люстры, официанты в белых перчатках. Она чувствовала себя здесь чужой, хотя была в платье, которое, по мнению Светы, должно было сделать её «своей».

Игорь Павлович сидел во главе стола, окружённый коллегами и партнёрами. Он был крупным мужчиной лет пятидесяти, с седеющими волосами и привычкой смотреть на людей поверх очков, будто оценивая их стоимость.

Марина подошла поздравить его, протянула конверт с деньгами — так было принято — и сказала что-то вежливое. Он кивнул, поблагодарил и тут же переключился на следующего гостя.

Марина отошла к окну, держа бокал с водой. Вечер тянулся медленно. Она уже пожалела, что пришла.

— Скучаете?

Она обернулась. Перед ней стоял мужчина в тёмном костюме, с бокалом в руке. Молодой, симпатичный, с серыми глазами, которые показались ей знакомыми.

— Простите?

— Я говорю, скучаете, — повторил он с улыбкой. — Я вас понимаю. Такие мероприятия — это испытание.

Марина посмотрела на него внимательнее. Что-то в его лице было знакомым. Улыбка, наклон головы.

— Мы знакомы?

— Не уверен. Но мне кажется, я вас видел. Вы работаете с моим братом?

— С вашим братом?

— С Игорем Павловичем. Он мой брат.

Марина замерла. Брат. Игоря Павловича. Она посмотрела на него ещё раз — и вдруг поняла. Серые глаза. Тот же наклон головы. Та же улыбка, только мягче.

— Максим? — прошептала она.

Он удивлённо поднял брови.

— Вы меня знаете?

— Я... я хожу в вашу кофейню.

Теперь настала его очередь удивляться. Он смотрел на неё секунду, потом его лицо изменилось — узнавание, изумление, что-то ещё.

— Марина? Кофе с молоком без сахара?

— Да, — сказала она. — Это я.

Они стояли друг напротив друга, и мир вокруг будто замер. Музыка играла, люди разговаривали, официанты сновали с подносами, но для Марины всё это исчезло. Остался только он — Максим, брат её босса.

— Я не знал, что вы работаете у Игоря, — сказал он наконец.

— Я не знала, что вы его брат.

— Мы не особо афишируем. Он не любит, когда на работе знают о наших отношениях.

Марина кивнула. В голове проносились мысли: вот почему он каждый раз пробивал её заказ по скидке. Вот почему всегда улыбался. Вот почему подвёз её в тот день. Он знал, кто она. Или догадывался.

— Вы знали, — сказала она. — Что я работаю на вашего брата.

— Догадывался. Вы всегда шли в сторону «Гранд-Строй».

— И молчали.

— А что я должен был сказать? «Привет, я брат твоего начальника»? Это звучало бы странно.

Марина отвернулась. В груди было странное чувство — смесь разочарования и облегчения. Разочарования потому, что их встречи в кофейне вдруг перестали быть простыми. Облегчения потому, что теперь всё вставало на свои места.

— Я не хотел вас обманывать, — сказал Максим тихо. — Просто... вы приходили каждое утро. Вы были такой... настоящей. Мне нравилось готовить вам кофе. Мне нравилось видеть вас. Я не хотел всё испортить.

— Вы не испортили, — сказала Марина. — Просто... это неожиданно.

Он кивнул.

— Понимаю.

К ним подошёл Игорь Павлович. Он посмотрел на них обоих с лёгким удивлением.

— Максим, ты знаком с Мариной?

— Мы встретились сегодня, — сказал Максим быстро. — Я представился.

— Понятно, — сказал Игорь Павлович, но в его голосе было что-то такое, отчего Марина почувствовала себя неуютно. — Марина, у вас всё в порядке? Вы выглядите бледной.

— Всё хорошо, Игорь Павлович. Спасибо.

Он кивнул и отошёл. Максим посмотрел на неё.

— Я не сказал ему, что мы знакомы. Думаю, так будет лучше.

— Согласна.

Они помолчали. Потом Максим сказал:

— Я понимаю, что теперь всё изменилось. Но я хочу, чтобы вы знали: в кофейне я был искренним. Я не притворялся. Всё, что я говорил, всё, что делал, — это было от чистого сердца.

Марина посмотрела на него. В его глазах не было лжи. Только что-то очень уязвимое, открытое.

— Я верю, — сказала она.

— Тогда... мы можем поговорить? Не здесь. Где-нибудь в другом месте.

Марина хотела сказать «да». Хотела больше всего на свете. Но правило — её правило — вдруг встало перед ней стеной.

«Никаких романов с теми, кто знает тебя только как "кофе с молоком без сахара"».

Максим знал её именно так. Он видел её каждое утро, но не знал, какая она на самом деле. Он не знал, что она боится темноты. Что любит дождь. Что мечтала стать художницей.

Но с другой стороны... Разве он не пытался узнать? Разве его записки, его подарки, его молчание в машине — разве это не были попытки заглянуть за оболочку?

— Марина? — позвал он.

Она посмотрела на него и поняла, что молчит слишком долго.

— Простите, — сказала она. — Мне нужно подумать.

— Конечно.

Он отступил на шаг, давая ей пространство.

— Я буду в кофейне, — сказал он. — Как всегда.

Марина кивнула и отошла. Весь остаток вечера она избегала его взгляда. Но чувствовала, что он смотрит.

Когда она уходила, у двери её догнал Игорь Павлович.

— Марина, — сказал он. — На минуту.

Она остановилась.

— Да?

— Я хотел спросить. Вы знакомы с моим братом?

Сердце пропустило удар.

— Мы встретились сегодня. На вашем дне рождения.

— Только сегодня?

— Да.

Он смотрел на неё внимательно, будто пытаясь что-то понять.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я спрашиваю, потому что Максим редко ходит на такие мероприятия. А сегодня пришёл. И я видел, как он смотрел на вас.

Марина не знала, что ответить. Молчала.

— Будьте осторожны, — сказал Игорь Павлович. — Максим — мой брат, и я его люблю. Но он не всегда думает о последствиях. А вы — мой сотрудник. И я не хочу, чтобы это повлияло на вашу карьеру.

Он кивнул и ушёл. Марина стояла в дверях, чувствуя, как холодный воздух с улицы обдувает её разгорячённое лицо.

Вот и всё. Теперь она знала наверняка: между ней и Максимом стоит не только её правило, но и её работа.

И это делало всё только сложнее.

Глава 5. Тёплый угол

В понедельник Марина не пошла в кофейню.

Она проснулась, как обычно, в шесть сорок, собралась, вышла из дома — и на перекрёстке свернула не направо, а налево. К метро, минуя «Тёплый угол».

Это было странное чувство — идти мимо. Как будто она предавала что-то важное. Но она не могла. Не сейчас. Ей нужно было время, чтобы подумать.

На работе она старалась не думать о Максиме. Получалось плохо. Каждый раз, когда кто-то упоминал Игоря Павловича, она вздрагивала. Каждый раз, когда видела бумажный стакан с кофе на чьём-то столе, вспоминала его улыбку.

Света заметила.

— Ты чего такая? — спросила она в обед. — Как будто привидение увидела.

— Всё нормально.

— Опять «нормально». Марин, я тебя знаю. Что случилось?

Марина помолчала. Потом сказала:

— Я встретила одного человека. На дне рождения Игоря Павловича.

— И?

— И это оказался его брат.

Света присвистнула.

— Брат босса. Вот это поворот. И что?

— И я не знаю, что делать. Я ходила в кофейню, где он работает бариста. Каждое утро. Он готовил мне кофе, дарил печенье, писал записки. А потом оказалось, что он брат моего начальника. И Игорь Павлович сказал мне быть осторожной.

— А ты что?

— А я не знаю. У меня было правило. Никаких романов с теми, кто знает меня только как «кофе с молоком без сахара».

— Глупое правило, — сказала Света.

— Почему глупое?

— Потому что ты сама себя загнала в угол. Ты боишься, что тебя не узнают, но при этом никого не подпускаешь. Ты сидишь в своей скорлупе и ждёшь, что кто-то её разобьёт. А когда кто-то пытается, ты убегаешь.

Марина уставилась на неё.

— Это жёстко.

— Это правда. И ты это знаешь.

Марина знала. Но признавать было больно.

Вечером она пошла домой пешком. Долго шла по улицам, не разбирая дороги. Город был серым, холодным, но отчего-то не казался враждебным.

Проходя мимо «Тёплого угла», она замедлила шаг. Внутри горел свет, за стойкой виднелась знакомая фигура. Максим протирал чашки.

Марина остановилась. Постояла минуту, глядя на него через стекло. Потом развернулась и пошла дальше.

Дома она достала из ящика салфетку с запиской — ту самую, с «Даже в самый серый день есть место теплу». Перечитала. Потом достала журавлика — «Не забывайте дышать». Развернула, разгладила.

На обратной стороне было что-то ещё, чего она не заметила раньше. Мелким почерком: «Если захотите поговорить, я всегда в кофейне. Максим».

Она смотрела на эти слова, и что-то в груди сжималось.

Он ждал. Каждое утро. Каждый день.

А она не приходила.

Марина взяла телефон. Открыла контакты. Максима там не было — они никогда не обменивались номерами.

Она положила телефон обратно.

На следующее утро она снова не пошла в кофейню. И на следующее. Прошла неделя. Потом две.

В «Тёплый угол» она вернулась в среду, ровно через шестнадцать дней.

Она толкнула дверь, и колокольчик звякнул. Максим поднял голову — и его лицо изменилось. Сначала удивление, потом что-то похожее на радость, потом снова осторожность.

— Доброе утро, — сказал он тихо.

— Доброе утро, — ответила Марина.

Она подошла к стойке. Они стояли друг напротив друга, и между ними была та самая тишина, которая бывает перед важными словами.

— Я думала, — начала Марина. — Много думала.

— И?

— И я не знаю, что делать. Я боюсь. Боюсь, что это неправильно. Боюсь, что это повлияет на работу. Боюсь, что ты увидишь во мне то, чего я сама не вижу. Боюсь, что я не та, кем кажусь.

Максим слушал, не перебивая.

— Но я также знаю, — продолжала она, — что эти две недели были самыми пустыми в моей жизни. Я ходила на работу, возвращалась домой, ела, спала. Но всё это было как во сне. Потому что я знала, что ты здесь. И что я не прихожу.

Она замолчала. Максим смотрел на неё своими серыми глазами, и в них не было ни осуждения, ни жалости. Только что-то очень тёплое.

— Я не знаю, что будет дальше, — сказал он. — Я не знаю, как это повлияет на работу, на твоего начальника, на всё остальное. Но я знаю одно: я не хочу, чтобы ты исчезала. Я хочу, чтобы ты приходила. Даже если только за кофе. Даже если мы просто будем разговаривать. Я хочу, чтобы ты была здесь.

Марина почувствовала, как к горлу подступает ком.

— Хорошо, — сказала она. — Я буду приходить.

Максим улыбнулся. И эта улыбка была такой же тёплой, как в первый раз.

— Американо с молоком без сахара? — спросил он.

— Да, — сказала Марина. — Как всегда.

Он приготовил кофе, и на салфетке появилось что-то новое — маленькое сердечко из фольги.

Марина взяла его, и в этот момент поняла: правило, которое она себе придумала, больше не работает. Потому что Максим знал её не только как «кофе с молоком без сахара». Он знал её как женщину, которая боится, но всё равно приходит.

И этого было достаточно.

Глава 6. Серые глаза

Они начали разговаривать.

Сначала — по пять минут, пока Марина пила кофе. Максим стоял по ту сторону стойки, вытирал чашки или нажимал кнопки на кофемашине, и они говорили ни о чём. О погоде. О новых сортах кофе. О том, что в Москве опять пробки.

Потом — дольше. Марина стала приходить на десять минут раньше, чтобы успеть поговорить. Она узнала, что Максим любит джаз, что у него есть кот по имени Борис, что он мечтает открыть свою кофейню — не филиал «Тёплого угла», а свою собственную, с книгами на полках и мягкими креслами.

Он узнал, что она любит дождь, что в детстве хотела стать художницей, но родители сказали, что это несерьёзно, и она пошла учиться на экономиста. Что у неё есть младшая сестра, с которой они почти не общаются. Что она боится темноты и поэтому всегда оставляет включённым ночник в коридоре.

— Я думал, вы ничего не боитесь, — сказал он как-то утром.

— Почему?

— Вы всегда такая... собранная. Как будто у вас всё под контролем.

Марина усмехнулась.

— Это маска. Под ней — куча страхов.

— И каких?

Она помолчала.

— Что я недостаточно хороша. Что меня не за что любить. Что если я перестану быть удобной, все уйдут.

Максим отставил чашку в сторону и посмотрел на неё внимательно.

— Это неправда, — сказал он. — То, что вы говорите. Вы хорошая. Вы настоящая. Просто вы сами себя не видите.

Марина почувствовала, как краснеет. Она не привыкла к таким словам.

— Ты меня не знаешь, — сказала она.

— Знаю. Я вижу, как вы смотрите на дождь. Как вы улыбаетесь, когда думаете, что никто не видит. Как вы сжимаете стакан, когда нервничаете. Я вижу вас, Марина.

Она отвернулась, чтобы скрыть слёзы.

— Мне пора, — сказала она. — Работа.

— Конечно.

Он не пытался её удержать. Просто смотрел вслед.

На работе Марина не могла сосредоточиться. Всё время думала о том, что он сказал. «Я вижу вас». Это было так просто и так сложно одновременно. Никто никогда не говорил ей такого.

В обед позвонила мама.

— Мариночка, как ты?

— Хорошо, мам.

— Ты какая-то другая последнее время. Голос бодрее, что ли.

— Правда?

— Правда. Что-то случилось?

Марина замялась. Потом сказала:

— Я, кажется, встретила человека.
Тишина на другом конце провода. Потом мамин голос, взволнованный:
— Кого?
— Мужчину. Он работает в кофейне. Бариста.
— Бариста? — в мамином голосе послышалось сомнение. — Это который кофе наливает?
— Мам, не начинай.
— Я не начинаю. Просто... бариста. Это как-то несолидно.
— Он хороший. И он мне нравится.
— Нравится? — мама помолчала. — Ну, если нравится... Только будь осторожна. Не торопись.
— Я не тороплюсь.
— Хорошо. Позвони, когда захочешь поговорить. И приезжай на выходных. Я испеку твой любимый пирог.
Марина улыбнулась.
— Приеду, мам.
Она положила трубку и вернулась к работе. Но мысли были далеко.
Вечером она снова прошла мимо кофейни. Свет горел. Максим стоял у окна — видимо, закрывал. Увидев её, он помахал рукой.
Марина помахала в ответ. И улыбнулась.
Дома она достала из шкафа синее платье в цветочек. Посмотрела на него. Потом решительно отложила в сторону. Завтра она его наденет. Не для Игоря Павловича, не для коллег. Для себя.
И может быть, для Максима.

Глава 7. Розовое печенье

В субботу Марина приехала к маме.
Мама жила в Подмоскowie, в маленьком городе с тихими улицами и старыми домами. Она встретила Марину у калитки — невысокая, седая, с тёплыми руками и глазами, которые видели больше, чем Марина хотела показать.
— Ты похудела, — сказала мама, обнимая её. — Опять не ешь.
— Ем, мам.
— Знаю я твоё «ем».
Они прошли в дом. Пахло пирогом — яблочным, с корицей. Марина села на кухне, и мама поставила перед ней тарелку.
— Рассказывай, — сказала она. — Про баристу.
Марина вздохнула. Рассказала. Про кофейню, про записки, про то, как он подвёз её, когда сломался лифт. Про то, что он оказался братом Игоря Павловича. Про то, что она боится.
Мама слушала молча. Потом сказала:
— А он тебе нравится?
— Да.
— Сильно?
— Не знаю. Может быть.
— А он к тебе как относится?
— Говорит, что видит меня. Настоящую.
Мама улыбнулась.
— Это хорошо. Мужчина, который видит тебя настоящую, — это редкость.
— Но я боюсь, мам. Боюсь, что это закончится ничем. Как в прошлый раз.

— А ты не думай о конце. Думай о начале.

Марина посмотрела на неё.

— Ты говоришь так, будто у тебя всё было легко.

Мама покачала головой.

— Не легко. Твой отец тоже был не подарок. Мы ругались, мирились, снова ругались. Но я ни разу не пожалела, что вышла за него. Потому что он видел меня. И я видела его.

Она помолчала.

— Марин, я знаю, ты привыкла всё контролировать. Расписание, работа, планы. Но любовь — это не про контроль. Это про доверие. Про то, чтобы позволить другому человеку увидеть тебя — и не убежать.

Марина опустила глаза.

— Я не знаю, как это — доверять.

— Знаю. Но придётся учиться.

Вечером Марина вернулась в Москву. В метро она достала телефон и открыла контакты. Максима там не было.

Она зашла в кофейню в понедельник. Максим стоял за стойкой, и когда увидел её, его лицо осветилось.

— Вы сегодня раньше, — сказал он.

— Да. Решила зайти перед работой.

— Как выходные?

— Хорошо. Ездила к маме.

— Это здорово.

Он приготовил ей кофе и на салфетке появилось что-то новое — печенье в форме сердечка, розовое, с глазурию.

— Это что? — спросила Марина.

— Розовое печенье. Специально для вас.

— Почему розовое?

— Потому что вы сегодня в синем платье. А синий с розовым хорошо сочетается.

Марина посмотрела на своё платье — то самое, в цветочек, которое она надела впервые за три года. Потом на печенье. Потом на Максима.

— Спасибо, — сказала она. — Это очень мило.

— Я старался.

Она улыбнулась и взяла печенье. Оно было сладким, с лёгким вкусом миндаля.

— Вкусно, — сказала она.

— Я знал, что вам понравится.

Марина посмотрела на него. В его глазах было столько тепла, что она почувствовала, как что-то внутри неё тает.

— Максим, — сказала она. — Я хотела спросить. Ты не хочешь как-нибудь... выпить кофе вместе? Не здесь. Где-нибудь в другом месте.

Он замер. Потом улыбнулся — широко, искренне.

— Я думал, ты никогда не спросишь.

— Я спрашиваю.

— Тогда да. С удовольствием.

Они договорились на среду. Марина вышла из кофейни, чувствуя, как сердце бьётся быстрее обычного. Она сделала первый шаг. И это было не так страшно, как она думала.

Глава 8. Первое свидание

В среду Марина не спала всю ночь.

Это было глупо. Взрослая женщина, двадцать девять лет, а трясётся, как школьница перед выпускным. Но ничего не могла с собой поделать. Она думала о том, что надеть, о чём говорить, как себя вести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.